

16+

ЧЕРТОВКА В АКАДЕМИИ МАГИИ

МСТИСЛАВА ЧЁРНАЯ

Мстислава Чёрная

Чертовка в Академии магии

«Нелли Видина»

2020

Чёрная М.

Чертовка в Академии магии / М. Чёрная — «Нелли Видина»,
2020

На что я готова пойти, чтобы доказать, что в покровителях и навязанных мужьях не нуждаюсь? Приму предложение потерявшей сына дамы, ввяжусь в расследование. И ещё посмотрим, кто справится лучше – я или прибывший из столицы дознаватель. Хм, а почему он так странно на меня смотрит?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	15
Глава 5	18
Глава 6	22
Глава 7	25
Глава 8	28
Глава 9	31
Глава 10	34
Глава 11	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Мстислава Чёрная

Чертовка в Академии магии

Глава 1

Пропадающая девка – как иду мимо соседок, так изо дня в день одно и то же слышу. Сидят по лавочкам перед палисадником, сцезивают на старости лет словесный яд. Не обратив внимания, здороваюсь и прохожу мимо. Не спорить же, в самом деле. Что поделывать, если других радостей у бабулек нет?

– А гонору-гонору.

– Помяни моё слово, месяца не пройдёт, как в бордель продается.

Пфф.

Да, у меня проблемы, очень серьёзные проблемы. Могли бы... не помочь, нет, но хоть по соседски добрым словом поддержать, а им моё падение в радость, бесплатный цирк из первого ряда.

Только не дождутся.

Я поправляю на плече ремешок сползающей сумки, привычно взбегаю по ступенькам крыльца и утыкаюсь в опечатанную дверь. Оп-па. К косяку пришпилено официальное извещение. Ругнувшись и бессильно-зло сорвав документ, я быстро пробегаю текст глазами, комкаю бумагу, но не выбрасываю, а прячу в сумку и упираюсь в дверь лбом.

Ничего неожиданного, если честно, уже дня два как должны были опечатать. Мы с папой живём в двухэтажном деревянном доме, папа исхитрился сам в одиночку сколотить. На первом этаже его контора, вот контору городские власти и закрыли. Папа ведь... пропал. Океаническое судно, на котором он возвращался со старого континента, затонуло, выживших нет, но я не теряю надежду. Вдруг...? То, что контору опечатали, ожидаемо, но от этого не легче, а проблемы и вовсе растут в геометрической прогрессии.

Отлипнув от двери, я спускаюсь с крыльца. Я привыкла заходить в дом через контору, но с сегодняшнего дня придётся пользоваться чёрным ходом. Взметнувшийся ветер бросает в лицо горсть песка. Я прикрываю глаза, но не останавливаюсь, обхожу дом.

– Ба!

Слышу знакомый прокуренный бас и вздрагиваю. Принесли демоны! У чёрного хода на уступке широко расставив ноги сидит Калёб и слюнявит папирску. Некогда белая, а теперь пожелтевшая, с разводами пота рубашка расхристана, штаны закатаны по колено, на ногах красуются новые кожаные ботинки, натянутые на пахучие рваные носки. При виде меня Калёб поднимается, попирску сплёвывает в придорожную пыль и оскаливается:

– Что, закрыли твою нору, мадемуазель Недотрога?

Папа у меня частный сыщик, а я числилась при нём младшей помощницей, и даже в его отсутствие я могла принимать клиентов. Ни во что серьёзное я, естественно, не ввязывалась, но, например, проследить, не изменяет ли жене муж, мне по силам. Теперь про и без того скудный приработок можно забыть.

– И?

Найти подработку не так уж и сложно, по деньгам выйдет меньше, зато платить будут стабильно, так что я даже выиграю. С голода уж точно не помру. Но разве же дело в этом? Папа, чтобы я выучилась в колледже влез в долги. Не сказать, что большие, но дела у него последний год шли откровенно погано, хороший заказ был всего один. Проценты капают, дом заложен и теперь, когда контора официально опечатана, стоит мне пропустить хоть один платёж, дом изымут, я вылечу на улицу.

Учитывая, что лицензию частного сыщика мне никто не даст, перспективы у меня весьма туманные. А чтобы лицензию всё-таки получить, нужно либо десять лет стажироваться под началом другого следователя, как я числилась при папе, у меня из нужных десяти лет аж неполные два года, либо отучиться в академии, взяв минимальный набор профильных курсов. Только вот учёба в академии стоит... в общем, дорого стоит.

И такой расклад с получением лицензии на любую работу, не обязательно частного сыщика. Без лицензии можно устроиться полумойкой, официанткой – словом, на самую грязную работу и, что печальнее всего, малооплачиваемую.

Калёб щёлкает по стене, усмехается:

– Может, правду говорят, в бордель собралась продаться? Так там носом крутить не принято, любой гость царь и бог.

Я перебиваю:

– Мыться чаще раза в неделю не пробовал? Глядишь, проблем с девушками поубавится.

Калёб наливается гневной краснотой, стискивает кулак, но всё-таки справляется с эмоциями, ударить не пытается, хотя по глазам вижу, что хочет:

– Мирта-Мирта, что же ты такая колючая? Я ведь доброту тебе предлагаю, все проблемы твои решу, деньгами помогу. Всего-то надо быть в ответ ласковой.

Отвратительно.

И почему его так на мне заклинило? Потому что недоступная? Пока папа был рядом, ко мне районные уроды на пушечный выстрел не подходили, знали, что меня есть, кому защитить. Теперь же... А что теперь? Я папина дочка, характером в него пошла, и бить по болевым точкам папа меня научил. Уж за себя постоять сумею.

– Калёб, от двери один, но большой и широкий шаг сделай, – улыбаюсь я. – Пройти мешаешь, а это незаконно.

– Ха! Долговой договор своего папаши перечитай! Знаешь, что там есть очень интересный пункт? Теперь, когда контора закрыта, дядя имеет полное право усомниться в твоей платёжеспособности и потребовать возврат оставшейся суммы немедленно!

Там правда есть такой пункт? И как папа на него согласился? Посчитал, что грубо сколоченным домом, больше похожим на сарай, чем на жилое здание, можно пожертвовать? Эх, папа. Причин не верить Калёбу у меня точно нет, наш кредитор действительно приходится ему дядей.

Тьфу!

– Приползёшь ещё ко мне, – угрожающе шипит Калёб, разворачивается и, уверенный в близкой победе, уходит создавать мне трудности.

Я провожаю его взглядом. Пускай мечтает, только зря он думает, что у него получится. На любой хитрый шуруп найдётся своя гайка, а тут решение на поверхности. Чтобы дядя Калёба не смог потребовать остаток целиком, надо снова открыть контору, причём до того, как дядя успеет выставить мне счёт. Как открыть? Неделю назад папин приятель наотрез отказался зачислиться в контору вторым следователем, потому что, по-его мнению, видишь ли, девушка должна искать хорошего мужа, а не ловить изменщиков на горячем. Но теперь-то речь не о прихоти вздорной сумасбродки, которой папин приятель меня считает, речь о спасении дома. Я даже пообещаю не принимать заказы...

Что же так мутно на душе?

Я пережидаю пару минут, чтобы точно разминуться с Калёбом и возвращаюсь на улицу.

Хм?

Перед опечатанной дверью стоит строго, но дорого одетая дама. Одно твидовое пальто болотного цвета чего стоит. На женщине аккуратная соломенная шляпка с узкими полями и зелёной лентой на пару тонов ярче пальто. Сумочка на цепочке гармонирует с полусапожками, а довершают образ перчатки.

Женщина растерянно разглядывает печать на входе, а я не менее растерянно – её.

– Простите, я могу вам чем-то помочь? – привлекаю я к себе внимание.

Странная... Дамы её сорта предпочитают солидные конторы, а сыщиков нанимают по рекомендации. Но она пришла в этот район, неподалёку от порта, ещё и без сопровождения. Шла пешком? Судя по пыли, осевшей на обувь – да.

Она оборачивается:

– Ох, вы должно быть дочка Бера Андраса? Я видела вас всего один раз, когда вы были очаровательным пятилетним сорванцом. Простите, с тех давних пор я не запомнила ваше имя...

– Мирта. Вы можете звать меня Мирта.

– Рада знакомству, Мирта. Ох, простите, я забыла представиться. Санна Олвис к вашим услугам, Мирта. Я буду признательна, если вы подскажете, как я могу увидаться с вашим вашим отцом.

Буду мысленно звать её «мадам Ох». Неужели нельзя говорить короче, не размазывая каплю смысла на километр слов?

– Сожалею, мадам Олвис. Судно, на котором отец возвращался со старого континента затонуло. Папа... пропал без вести, – ложь, по недавнему судебному решению он признан погибшим.

– Ох, бедная девочка!

Дама устремляется ко мне, в порыве обнять раскидывает руки.

Я скептически выгибаю бровь и невзначай выставляю правую ногу чуть вперёд – мадам Ох не дотянется. Она замирает, хихикает, прикрывая смешком своё смущение:

– Да, Мирта, ни капли не сомневаюсь, вы дочь Бера, вы так на него похожи по манере держаться. Сожалею...

Я пожимаю плечами:

– Жаль, что вы проделали путь впустую.

Дама округляет глаза:

– Ох, нет! Признаться, я к вам, Мирта. Мы могли бы где-то поговорить?

Что? Я? Но... О чём ей со мной говорить?

– Наверное, можем, – неуверенно соглашаюсь я. Почему бы не выслушать?

Только где? На улице разговаривать непрофессионально. Контора закрыта. В дом пригласить? Ага, на колченогий табурет, втиснутый между раковиной и столом, загромождённым пригоревшими кастрюлями. Нет у меня таланта ни к готовке, ни к зельеварению. В трактир? Приличных поблизости нет.

Дама понимает моё затруднение:

– Мирта, я остановилась в гостинице «Белая жемчужина». Могу я вас пригласить?

– Да, конечно. Прямо сейчас?

– Если можно, – кивает она.

Вообще-то я занята, мне до вечера нужно суметь уломать старика Дранго зачислиться в штат, чтобы завтра с открытием администрации предъявить новые документы и получить разрешение снять печать, но любопытство оказывается сильнее прагматизма. Если я уделю мадам Ох час своего времени, ничего страшного, верно?

Глава 2

Наёмный экипаж ждёт на соседней улице. Я пропускаю мадам вперёд, забираюсь следом, усаживаюсь лицом против хода и всерьёз задумываюсь, не предложить ли поговорить прямо в салоне, но нет, женщина кажется озабоченно-встревоженной, на долю мига её глаза застилает пелена, и она смаргивает слёзы. Что я буду делать, если она расплачется? Лучше потерпеть до гостиницы, тем более ехать около получаса.

Лошадь ступает тихо, колёса поскрипывают.

– Мирта, – нарушает молчание мадам Ох, – простите, что спрашиваю. Но вы ведь закончили колледж? Для моего дела это важно.

– Да, с отличием.

– Ох!

У меня была мечта – продолжить учёбу в академии. Поступить трудно, но отличников зачислят без экзаменов, вот я и старалась. Только толку? Оплачивать учёбу мне нечем, а в следующем году, если вдруг раздобуду нужную сумму, поступать придётся на общих основаниях.

Снова настроение испортилось.

И погода портится. Ветер усиливается, гонит песок.

Экипаж останавливается. С крыльца торопливо сбегает затянутый в жаркую униформу швейцар, распахивает дверцу, подаёт мадам руку в белоснежной шёлковой перчатке. Мадам благосклонно улыбается, опирается самыми кончиками пальцев.

Я не жду, когда швейцар сможет уделить внимание и мне, спрыгиваю на тротуар без помощи.

– Пойдёмте, Мирта. Любезный, передайте, что мы с моей гостьей будем... Мирта, какой чай ты предпочитаешь?

Я догадываюсь, что мадам Ох спрашивает меня о сортах, но ответить я могу лишь одно:

– Горячий.

«Белая жемчужина» вторая по дороговизне гостиница в городе, заведение рассчитано на элегантную публику. В холле роскошь прячется под налётом скромности, но от этого я ещё острее ощущаю свою чуждость этому месту.

– Мирта? – окликает меня мадам Ох.

– Простите, задумалась.

Гостиница трёхэтажная, выше только здание администрации, академия и отель «Королевский люкс», большую часть года простаивающий пустым, но упорно не закрывающийся. Апартаменты мадам Ох располагаются на втором этаже, дверь шестая справа в левом коридоре. Именно апартаменты, шагнув через порог, я оказываюсь не в спальне, не в будуаре, а в настоящей гостиной. Комната сквозная. За закрытой дверью, вероятно, и прячется спальня, а вторая дверь раскрыта настежь, за ней просматривается рабочий кабинет.

Интерьер радует глаз спокойными тонами, а вот сладковатый запах живых лилий, стоящих в вазе, мне не нравится.

Я ищу детали, которые смогут рассказать мне что-нибудь о мадам Ох, но их просто нет. Гостиная безупречна, и единственное, что по ней можно оценить – дотошность горничных.

Из коридора раздаётся приглушённый стук. Дождавшись разрешения, в гостиную входит подтянутый официант, тоже в униформе не по погоде.

– Мирта, где тебе больше нравится: за чайным столиком или на диване?

– Столик, – выбираю я.

Мадам Ох кивает официанту, и он в считанные секунды сервирует нам чай, ставит вазочку с шоколадными бомбошками, желает приятно провести время и оставляет нас одних. Я ни капли не сомневаюсь, что при необходимости он появится мгновенно.

– Итак, мадам Олвис, чем я могу вам помочь? – спрашиваю я, плюхнувшись в кресло и с удовольствием вытянув ноги.

– Ты такая же прямолинейная как Бер.

Мадам разливает из чайника чай по чашкам, себе добавляет молока. Я от сомнительной добавки отказываюсь. Нет, я знаю, что в высоких кругах чай пьют именно так, но, как по мне, разбавленный молоком, чай перестаёт быть чаем.

– Итак? – повторяю я с нажимом. Слушать о своём сходстве с папой я точно не намерена.

– Мирта... Мой младший сын... погиб.

Отвернувшись, она торопливо достаёт и прижимает к губам кружевной платок, слёзы текут по щекам, но на них женщина не обращает внимания. Судорожно всхлипнув, она всё тем же платком отмахивается от моего предложения подать ей воды. Минута, другая, и женщина с трудом берёт эмоции под контроль, делает глубокий вдох, медленно выдыхает.

Я не умею утешать, не умею подбирать правильных слов:

– Соболезную.

– Мой муж занимается разработками к северу от столицы, в город мы приезжаем редко и ненадолго. Когда Ринон поступил, я предлагала ему купить дом, но он отказался, не хотел тратить время на дорогу до академии и обратно, поселился в общежитии, – она ненадолго замолкает. – Прости за сумбур.

– Пока всё понятно.

– Ринон два года назад перенёс тяжёлую лихорадку, лекари не давали ему шансов. Я тогда воспользовалась услугой подпольного целителя, и тот передал мои жизненные силы Ринону. Как вы понимаете, следователям я этого сказать не могла. После того ритуала у меня остался сосуд, через который целитель перекачивал мои силы. За день до начала каникул сосуд рассыпался.

– Сосуд рассыпался ровно в тот миг, когда ваш сын скончался.

– Да, именно так. Я спрашивала у того целителя, он подтвердил.

– Вы хотите, чтобы я нашла убийцу?

– Нет. То есть да. То есть... Мирта, дослушай, хорошо?

– Извините.

Мадам промакивает глаза платком.

– Я не хотела верить, приехала в академию. Комендант общежития сказал, что Ринон ещё не сдавал комнату, проводил меня и даже пустил. Внутри были вещи, а Ринона нигде не было. Я дошла до ректора, вызвала полицию. В журнале появилась запись, что Ринон покинул территорию академии. Понимаешь?

– Добавили задним числом? А что полиция?

– Территорию академии обыскали, и тела не нашли. Следователь решил, что я ошиблась, что запись в журнале была изначально. Но это не важно. Два месяца спустя пришло письмо со штемпелем отделения почты старого континента. Почерк Ринона. Он просит прощения и пишет, что жизнь в колонии не для него, он отправился покорять метрополию. Полиция сочла, что Ринон нашёлся и закрыла дело. Мирта, сказать, что я не хочу наказать убийцу будет ложью, но больше всего я хочу похоронить Ринона. Он лежит где-то неизвестно где, совсем один. Я хочу, чтобы он спокойно спал на семейном кладбище.

– Мне жаль.

– Если ты найдёшь виновных, я, Мирта, не поскуплюсь. Но я пришла не за этим. Я прошу тебя найти тело моего мальчика. Я уверена, что он где-то в академии.

Я качаю головой:

– Не факт. То, что записи в журнале не было, ничего не значит. Его могли вывести тайком, – я специально подчёркиваю, что не сам Ринон нарушил правила, а его заставили.

То, что тело могли сжечь, я не упоминаю.

– Мирта, я оплачу тебе обучение на первом курсе. Найдёшь – оплачу учёбу до конца. А если найдёшь виновных...

– Нет.

– Что?

– Мадам Олвис, я бы могла воспользоваться вашим горем, но... Сколько времени прошло? Почти три месяца? Злоумышленник, кем бы он ни был, затёр следы.

– Мирта, я не прошу тебя найти, я прошу тебя приложить все усилия, чтобы найти.

– Нет.

Взяться за заведомо невыполнимую работу и при этом получить оплату учёбы за первый курс подлю.

Я резко поднимаюсь и почти сбегаю.

– Мирта, подумай! Я останусь в городе до конца недели.

Выскочив в коридор, я с грохотом захлопываю дверь, и врезаюсь в оказавшегося на пути мужчину.

Глава 3

Рефлекторно цепляюсь за его рукав, и только поэтому мне удаётся устоять на ногах. «Белая жемчужина», как я заметила, полупустая, я просто не ожидала, что в коридоре кто-то будет. Не просто кто-то. Мужчина разительно отличается от всех, кого мне доводилось видеть в своей жизни. Черноглазый подтянутый брюнет – вроде бы, ничего особенного, но... Лицо не назвать красивым, скорее выразительным и породистым, у тех, чьи предки из поколения в поколения батрачили на самой низовой работе, таких лиц не бывает. Аристократ? Наша колониальная элита просто богачи, часто везунчики, которым посчастливилось вырваться из нищеты. Настоящих аристократов я никогда не видела. Я, наконец, понимаю, что выделяет мужчину. Он холёный, от кончиков уложенных волос до кончиков аккуратно подпиленных ногтей.

Мужчина окидывает меня оценивающим взглядом и увиденное ему откровенно не нравится. Ну да, ношенная одежда местами в заплатках, да ещё и пропылившаяся. Сколько ни стирай, один порыв ветра, и на плечах оседает пылевое облако. А ещё на мне не юбка, а штаны. Мужчина брезгливо кривится и выдёргивает из моей хватки рукав, а я почему-то продолжаю стоять, уткнувшись носом в бархат его камзола и смотреть снизу вверх. Как дурочка какая. На задворках сознания крутится важная мысль, но мне никак не удаётся поймать её за хвост.

– Смотри, куда идёшь, – недовольно бросает мужчина, обходит меня и скрывается в апартаментах через две двери от апартаментов мадам Ох.

А ведь мог вызвать швейцара и приказать вышвырнуть меня вон.

Что же меня так зацепило?

Озадаченная, я медленно спускаюсь на первый этаж, выхожу на улицу. Надо не о глупостях думать, а топтать в любимый кабак старика Дранго. Что я буду делать, если не найду папиного приятеля?!

Уже на улице меня осеняет. Полы незастёгнутого камзола на миг приоткрылись, и я увидела серебристую цепочку, на конце которой мелькнула треугольная печать королевского дознавателя. Вот что меня зацепило!

С одной стороны, не моё дело. С другой стороны, я здесь живу. Должна быть очень веская причина, чтобы птица столь высокого полёта снизошла до наших задворок мира. В городе что-то случилось или вот-вот случится, но на рынке в последнее время не говорили ни о чём интересном, ни слова, ни полслова. Затишье перед бурей? Это... беспокоит.

Пойманная мысль перестаёт меня раздражать, и я выбрасываю дознавателя из головы. Достаточно, если в ближайшее время я буду внимательнее обычного, больше я всё равно сделать ничего не могу.

До нужного кабака я добираюсь через час. Вхожу в полутёмный пропахший кислым зал, оглядываюсь. Старик Дранго окопался в дальнем углу и прикладывается к горлышку тёмно-зелёной бутылки. Вроде бы, набраться до радужных кроликов ещё не успел.

Я решительно подхожу, рывком отбираю бутылку и сажусь напротив:

– Дядя Дранго, угостишь?

– Мирта? Тыфу, поскуда.

Даже к носу подносить ту сивуху, которую лакает старик, не буду – мерзость.

Я послушно отдаю бутылку, достаю из сумки извещение, слегка разглаживаю и кладу на стол.

– Опять тебе неймётся?

– Дядя Дранго, всё не так. Вы же знаете, что на мне кредит? Калёб грозился, что его дядя потребует досрочно расплатиться. Дядя Дранго, вы ведь меня знаете. Я даю слово не

принимать заказов. Мне нужно сохранить контору, чтобы выплачивать кредит частями, иначе у меня дом заберут. Дом ведь залог по договору.

– Угу.

– Дядя...

– Вот неймётся тебе. Твой отец, Мирта, дураком не был. Тут, кто кого облапошил ещё вопрос, потому что у тебя никакой не дом, а двухэтажный сарай. Бер под залог получил в десять раз больше, чем стоит этот так называемый дом. Он мне сам рассказывал, что платит, пока с ним честно, а чуть что отдаст залог, так что не дури. Собирай вещи, угол для тебя я уже освободил. Замуж тебе, Мирта, надо. Муж тебя быстро от глупостей избавит. За моего племянника выходи, хороший парень, сам рукастый, и тебя к хозяйству быстро приставит.

Вот спасибо!

– Дядя...

– Не дядькай, – старик Дранго допивает содержимое бутылки залпом, крикает и небрежно отшвыривает извещение.

Я с ужасом осознаю – не поможет. Не только он, никто не поможет.

Скрипнув зубами, я подхватываю извещение и выхожу на улицу.

Дом... Дом, построенный папиными руками. Как они говорят – сарай.

Пожалуй, старик Дранго всё же помог мне... увидеть ситуацию в новом свете. Прежде я не задумывалась о стоимости здания, дом был для меня бесценным. Теперь же... На сегодня остаток долга превышает стоимость сколоченного из досок здания раза в четыре минимум. То есть отдать не деньгами, а домом... выгодно?

Это идея!

Нет, не отдать дом, хотя... папа бы не одобрил, сказал бы, что это всего лишь доски. Ценить надо жизнь и живых, а не вещи. Но даже если размышлять сухо, без эмоций – где мне жить? Старик Дранго пообещал мне бесплатный угол, но при этом прозрачно намекнул, что в нагрузку к углу идёт его племянник. Гостиная – дорого. Финансово я потяну ночлежку, но там такие личности селятся, что девушке даже близко подходить нельзя. Снять комнату? Здесь не старый свет, жильё не сдают, потому что это почти никому не нужно. Что-нибудь я, конечно, найду, но это ведь тупик – застряну поломойкой или официанткой, без перспектив, без будущего.

Идея...

Палящее солнце клонится к западу, но до ужина ещё час-полтора.

Я стучусь к человеку, которого хотела бы видеть меньше всего. Открывает мне зашуганная белобрысая девчушка в сером платье из домотканой шерсти. Выслушав меня, она быстро кивает, просит подождать и сбегает вглубь дома.

Дядя Калеба живёт в двухэтажном доме, разительно отличающимся от моего. Добротное здание из прямоугольного бруса, внутри отделка, по стенам развешана мазня бездарей, возмнивших себя художниками. Полы скрывают паласы.

Девчушка возвращается и приглашает меня следовать за ней, провожает на второй этаж, в кабинет и торопливо уходит, нервно дёрнув рукав, из-под которого на миг выглянул старый жёлто-зелёный синяк.

– Мирта!

Дядя Калеба натягивает на лицо благодушную улыбку, но выражение глаз остаётся ледяным, бездушным, как у рептилии. Больше со змеями и крокодилами никакого сходства. Крупная оплывшая с возрастом фигура, лицо Калеба, только постаревшее и перечёркнуто от глаза до подбородка шрамом.

– Проходи, садись, дорогая. Чем я могу тебе помочь? Не стесняйся, как-никак мы почти семья.

Противно.

Но я сдерживаюсь, сажусь, вольготно откидываюсь на спинку стула. Деревяшка врезается под лопатку, я игнорирую.

– Здравствуйте. Я бы хотела поговорить о долге моего отца. Я могу возвращать долг ежемесячными платежами, как платила ранее, и через указанный в договоре срок вы получите полную сумму с процентами, – грабительскими. – Вы знаете, что если вы выберете дом, вы понесёте серьёзные убытки?

Мужчина поджигает губы:

– И чем тебе Кaleb не угодил? Видный парень, состоятельный, тебя любит. А ты ему сердце разбиваешь.

Хах! Не любит, а хочет недоступную.

– То-то главная новость вчерашнего дня, как Кaleb в борделе подрался.

– Он парень молодой, здоровый. Ты ведь девочка уже взрослая, должна понимать, что у него естественные потребности есть. Раз нос воротишь, ему приходится.

Я морщусь:

– Давайте ближе к делу. Я готова принять долговые обязательства на себя, мы переподпишем договор.

– Ничего не выйдет, Мирта. Я же тебе уже сказал, Кaleb парень состоятельный. Он выкупил у меня долговые обязательства твоего отца, и теперь ты должна не мне, а ему. Может, и уговоришь, – его взгляд из делового становится омерзительно липким, сползает вниз, задерживается на губах и останавливается на груди.

То есть дома я найду ещё одно извещение, а завтра, две сделки в один день закон запрещает, Кaleb отберёт у меня дом. Просто прекрасно!

Не утруждая себя прощанием, я резко поднимаюсь. Так и тянет с грохотом отшвырнуть стул, но, кроме сиюминутного удовлетворения, я ничего не получу, а счёт за испорченную мебель этот гад выставит.

– Мирта, ветер поднимается, не спешите, пересидите у меня.

Ещё и издевается.

Я выскакиваю на улицу напрямик в объятия пылевого облака, отплёвываюсь от песка и поднимаю на нос болтавшуюся на шее косынку.

Будто сама судьба толкает меня принять предложение мадам Ох. Хорошо, что я не верю в судьбу.

Принять...? Если бы был хоть крошечный шанс выполнить заказ, я бы, наверно, согласилась. Я продолжаю шагать, но мыслями уношусь в академию. Итак, первокурсник погиб – это факт, подтверждённый рассыпавшимся сосудом. Верить приходится на слово, но вроде бы рассказ звучит достоверно. Сосуд – это серьёзно, человек, не сталкивавшийся за чёрными целителями просто не будет знать таких нюансов.

Мог ли первокурсник тайно покинуть территорию академии? Надо проверять, но думаю, что при должном старании лазейка найдётся. И получается, что погибнуть парень мог где угодно. Допустим, ушёл с территории тайком, забрёл в порт, нашёл неприятности и был брошен на корм рыбам. Только вот письмо со старого континента в эту теорию никак не вписывается. Значит, начинаю с начала. Парня, не важно где, убили. Убили не случайно, иначе бы не было письма. Тело искать бесполезно, зато можно попытаться провести собственное расследование и сгинуть следом, угу.

Что ещё? Полиция ничего не нашла, но письмо выслали. Полиция напала на след? Вроде бы нет. Тогда почему так важно было остановить расследование?

Письмо... тоже загадка. Мальчишку заставили его написать? Но тогда не ясно, зачем тянули с отправкой. А если письмо сделали позже, то вдвойне не понятно, как смогли подделать почерк.

Хм...

Вынырнув из задумчивости, я обнаруживаю себя стоящей перед «Белой жемчужиной».
– Опять ты?
В этот раз никто ни в кого не врежется.
Дознаватель остановился на крыльце напротив меня – я загораживаю ему проход.

Глава 4

– Извините.

Ноги сами принесли. Да, я же думала о предложении мадам Олвис.

Отступив на шаг, пропускаю мужчину.

Уйти?

– Мирта, ты всё-таки передумала! – швейцар не успевает распахнуть перед мадам Ох дверь, она распахивает её сама. Похоже, дама была в вестибюле отеля, мельком увидела меня и напрасно обрадовалась.

Что мне делать?

Она хватается меня за руку, тянет за собой. Мне становится неловко. Получается, я невольно обнадёжила женщину. Отказать будет жестоко.

Следить за неверными мужьями – мой потолок?

Я позволяю привести себя обратно в апартаменты.

– Мадам Олвис, давайте с самого начала? Вы простите, что я заставляю вас вспоминать, но иначе никак. Сосуд рассыпался, вы приехали в академию, узнали от коменданта, что ваш сын территорию не покидал, вызвали полицию.

– Да, всё верно.

– Кто обыскивал территорию академии?

– Полиция.

– Ага, – это понятно. – Вы видели? Один следователь, пара-тройка подчинённых?

Мадам качает головой:

– Следователь оставался со мной. А их... Десять, может быть, двадцать.

Сто или тысяча.

В любом случае уже понятно, что работал отряд.

– Ясно.

– У них собаки были. И вроде бы маг был.

– Мадам Олвис, я понимаю ваше желание отыскать тело сына, но давайте посмотрим правда в глаза? Тело не смогли найти профессионалы, умеющие искать. Не смогли по свежим следам. И самое главное, у нас нет причин считать, что тело по-прежнему в академии. Вашего сына могли вывести до убийства или вынести уже тело.

И рыб не забываем, академия на побережье.

– Мирта, я всё это прекрасно понимаю, поверь, – она грустно улыбается. – Как мне убедить тебя, что я не жду результата? Вот скажи, к кому мне идти? Полиция закрыла дело. Нанять частного следователя? Признаваться, что обращалась к чёрному целителю, я боюсь. По-другому внятно объяснить свою уверенность я не смогу. Допустим, закрою вопрос деньгами. Но разве обычный частник сможет свободно перемещаться по территории академии? Нужны основания. Нужно ехать на старый континент, искать доказательства. Я думала, Бер согласится.

Вот уж нет. В смысле, папа бы запретил мне ввязываться в рисковую авантюру.

– Мадам Олвис. Я могу попробовать собрать информацию. Узнать, с кем ваш сын дружил, с кем, возможно, враждовал, чем занимался, с какими девушками встречался. Это то, что я действительно могу сделать. И вы правильно говорили. В вашей ситуации я бы посоветовала начать со старого континента. Если удастся доказать, что письмо подделка или что ваш сын не приезжал на старый континент, то полиции придётся возобновить дело. И работать они будут вдвойне усердно, чтобы сгладить свою ошибку.

– Есть кто-то на примете?

– Да. Папе иногда требовалось получить сведения со старого континента. Редко он ездил сам, чаще обращался к своему коллеге. Я бы вам его рекомендовала. Берёт он... дорого, но отработывает по полной. Вторая причина, почему он – вам не придётся много объяснять. Договор вы заключите через сеанс магической связи. Будет достаточно сказать, что ваш сын пропал, назвать номер дела и рассказать о своих подозрениях, что письмо либо подделка, либо написано заранее, а отправлено уже не вашим сыном. И, по большому счёту, нанимать меня вам не нужно, пустой выброс денег.

Я вытягиваю ноги, закидываю руки за голову и упираюсь взглядом в потолок.

– Мирта, позволь мне самой принять решение, хорошо? Ох, Мирта, тебе стоимость обучения на первом курсе кажется баснословной суммой, но для меня это просто крупная сумма денег. Когда-то твой отец очень помог мне. Считай, что я возвращаю долг, если тебе будет так легче.

Отчасти мадам Олвис права – я могу найти информацию, которую не сможет раздобыть обычный частник. Не так уж и важно, где именно произошло убийство, на территории или за её пределами, почти наверняка, причина как-то связана с академией. Повздорил с однокурсником, бросил девушку... Что угодно. Вероятно, но не обязательно. Не исключено, что искать надо в семье.

– Мне бы материалы следствия почитать..., – мечтательно тяну я.

– Материалов нет, но есть письма. Ринон писал домой каждые выходные. Я отдам тебе копии.

Она выходит в спальню и возвращается с картонной коробкой в руках.

Что же, если она уверена, то:

– Мадам Олвис. Я... согласна.

– Вот и хорошо, вот и правильно, – кивает она.

Не согласна, но в то же время... Если бы у меня были деньги, я бы не пожалела, чтобы океан осушить. Вдруг папа найдётся? Я смахиваю набегающие слёзы, забираю коробку, открываю.

– Здесь его письма, – поясняет мадам. – Копии. Настоящие я тоже привезла, если нужно.

– Мадам, какие у вас на завтра планы?

Она пожимает плечами:

– Ничего конкретного.

– Завтра в первой половине дня я подам заявление в академию. Завтра же я запрошу сеанс магической связи с папиным коллегой со старого континента. После полудня я буду искать вас, здесь, в «Жемчужине». Мадам Олвис, мне нужно будет ещё раз подробно вас обо всём расспросить.

– Конечно, Мирта. Спрашивай, не стесняйся.

– Поддельное письмо. Оно... Что вы о нём можете сказать?

– Оно странное, только полицейские слушать не захотели.

– Почему странное?

– Написано его рукой, без сомнения. Полицейские экспертизу проводили, да и я уверена.

Он букву «фит» в конце предложения всегда выписывал с маленьким неаккуратным хвостиком. Если бы кто-то подделывал, думаю, хвостик бы не вписал.

Да, «фит» редко бывает в конце предложения, догадаться, что хвостик не случайная пометка трудно. Но при желании можно, достаточно внимательно изучить написанные парнем конспекты. Экспертизе я верю гораздо больше, чем мнению матери.

– Так...

– Стиль совсем не его.

– Под диктовку писал?

Мадам кивает, в глазах опять слёзы, но она не позволяет им пролиться.

– Да, я думаю, что его заставили.

Похищение – это интереснее, в том плане, что больше шансов что-то найти.

– Ясно. Мадам, копии я пока у вас оставлю, заберу, скорее всего, завтра.

– От письма пахло то ли болотом, то ли водорослями.

– Почту перевозят океанические лайнеры.

– В хорошо защищённом трюме. Мирта, пахло не от конверта, а от самого письма. Знаешь, юные и не только юные особы душат бумагу перед отправкой.

– Хм... Мадам, если вспомните какие-то ещё детали, записывайте. Увидимся завтра после полудня. О, чуть не забыла. Мадам, папина контора закрыта, лицензии у меня нет. Я не имею права принять заказ. Вы упоминали, что были знакомы с моим отцом, так? Давайте договоримся, что вы оплачиваете моё обучение, как его дочери, а то, что я интересуюсь делами вашего сына – это моё желание вам помочь, а не долг перед вами.

– Хорошо.

Попрощавшись, выхожу в коридор. Я почти ожидаю, что уткнусь в дознавателя, но в этот раз коридор пуст, если не принимать во внимание горничную, шуршащую веником в углу. Что она там делает? Не время уборки. В гостиницах уровня «Белой жемчужины», наводить чистоту принято ранним утром, а в течение дня – поддерживать. Может, кто-то что-то разбил?

Спустившись вниз, я прохожу мимо швейцара. К ручке двери он потянулся с такой медлительностью, что я мысленно плюнула и сама себе открыла дверь. Гостинице денег не принесу, чаевых не дам – что со мной возиться? Ещё и неудовольствие влиятельного постояльца вызвала.

Выбросив лишние мысли из головы, я поворачиваю в сторону центра города. Сумерки сгущаются, а солнце вот-вот коснётся горизонта и утонет в подсвеченных багрянцем облаках. Домой так и так придётся возвращаться затемно, и лучше я оставлю заявку на сеанс связи сегодня – надёжнее. Утром папин коллега получит сообщение, подтвердит время сеанса. Или не подтвердит...

Идти недалеко, Салон связи, чуть ли не единственное каменное здание в городе, на центральной улице потеснил даже администрацию. Работает круглосуточно, о закрытии можно не волноваться.

К салону я выхожу, когда серый вечер почти доедает краски и размывает город в сером мареве. Скоро совсем стемнеет. Папа рассказывал, что на старом континенте в больших городах в такое время зажигаются фонари, и на дорогах светло. Не представляю, как такое может быть.

– Мирта?

В салоне я бывала с папой, так что меня знают.

Рассеянно кивнув, я беру со стойки талон, заполняю, отдаю вихрастому дежурному. Встать он не потрудился, мне видна безупречная белая рубашка с коротким рукавом.

– Предоплата?

– Оплата по факту.

Предоплата дешевле, но у меня нет уверенности, что папин коллега ответит.

– Подтверждение завтра за два часа до полудня – в полдень. В этом интервале.

– Угу.

Что ещё я успею сегодня сделать?

На улице меня окликает извозчик:

– Мазель, – вместо мадемузель, – колёса?

Глава 5

По въевшейся привычке я едва не отказываюсь. При моих крошечных доходах тратиться на извозчика неоправданная расточительность. Но теперь можно не беспокоиться о ежемесячных платежах, так почему бы не позволить себе роскошь? Пешком бы я до утра шлёпала. Ладно, не до утра, но всё равно прилично.

Оценив мой внешний вид, извозчик кривится, зато цену не ломит. Наверное, он бы и не стал со мной связываться, но улица в обе стороны пуста, перспективных клиентов не предвидится.

Я забираюсь в салон, откидываюсь на жёсткое сиденье. В экипаже мадам Ох было гораздо комфортнее...

За окном совсем темнеет. Я прикидываю планы на завтра и морщусь – столкновения с Калебом не избежать.

– Прибыли, мазель, – сообщает извозчик до того, как экипаж полностью остановится.

Я спрыгиваю на дорогу, расплачиваюсь и поднимаюсь на крыльцо конторы. В темноте новое извещение заметно белеет. Я срываю документ, прячу в сумку – прочитать смогу только при свете дома. Рука сама тянется распахнуть дверь, но я останавливаю рефлексное движение. С сегодняшнего дня для меня открыт только чёрный ход. И отчасти я даже рада, что привывать не придётся.

Обходить дом я не спешу, и не из-за того, что вокруг ни зги не видно, на ощупь по стеночке доберусь. Безоблачное днём, после заката небо затянули тучи, ни одной звёздочки не проглядывает. Я прислушиваюсь. С Калеба станется караулить меня в ночи. И, честно говоря, я бы предпочла не связываться. Я хоть и умею сдачи дать, но в тесноте проулка, слепая, против крупного противника мало что могу. Кaleb и физически сильнее, и тяжелее. Помахать кулаками он любитель, особенно как в кабаке наберётся, но драться по-настоящему не умет. Но ему и не надо. Меня он массой задавит, и не извернуться, не вывернуться.

Тишина.

Поди пойми, нервы шалят или интуиция нащёптывает.

Крадучись, иду. Кончики пальцев скользят по шершавой доске.

Напрягаю слух.

Ключ удаётся вставить в замочную скважину лишь с четвёртой попытки. Замок послушно щёлкает дважды. Дверь выдаёт моё присутствие надсадным скрипом.

– Мирта? Ты где шлялась, дрянь?! – раздаётся заспанный голос Калеба, моментально переходящий едва ли не в крик.

Я запрыгиваю в дом, с грохотом захлопываю двери. Закрывать на ключ даже не пытаюсь, ещё папа широкую деревянную задвижку прикрутил. Надолго её не хватит, но драгоценны секунды, чтобы спокойно вставить засов и закрыть замок, она подарит.

Дверь вздрагивает под ударами:

– Мирта!

– Кaleb, здесь частная собственность. Уходи.

Удары прекращаются.

– Не знаю, под кого ты легла, но я это так не оставляю.

Вот же заело.

Я выставляю под дверь несколько стеклянных банок одну на другую. Если кто ворвётся, то стекло разобьётся, зазвенит. Я услышу.

И под окнами стоит стекла оставить. На всякий случай.

Устало поднимаюсь на второй этаж. Хорошо, что не стала брать копии писем. Читать, а главное, вникать, я уже не в состоянии. Я зажигаю лампу, выуживаю из сумки новое извещение,

пробегаю текст уведомления. Ничего нового, ровно то, что сказал дядя Калеба – кредитор сменился.

Надо бы поужинать, весь день набегу, толком не ела, но аппетита нет. Я, минуя кухню, прохожу в спальню, скидываю с себя одежду, наскоро споласкиваюсь, доползаю до кровати и падаю плашмя. Одежду натягиваю в полусне и отключаюсь.

Завтра. Всё завтра.

Даже редкая в наших краях гроза не мешает мне выспаться и набраться сил перед завтрашним боем.

За окном полыхают молнии. Гром не просто грохочет, он сотрясает землю. Низвергающаяся вода бьёт по крыше, затекает в щели, капает с потолка. Я лишь натягиваю одежду до ушей, и никакое буйство разгулявшейся стихии меня не тревожит.

Просыпаюсь я рано, на рассвете. Солнце ещё не взошло, но мир посветлел. И тучи, видимо, разошлись. Буря оставила о себе напоминание лишь клоками разодранных облаков. Поспать бы ещё часик, а лучше два. Я не выспалась и чувствую себя разбитой. Но сон уже вспорхнул испуганной пичугой, больше не заснуть. Поворочавшись с боку на бок, я поднимаюсь, подхожу к окну, выглядываю. На восток будто ведро золотой краски плеснули, а внизу, по проулку, на который и выходит окно моей комнаты, бежит весёлый грязевой ручей.

Смотрела бы и смотрела, вдыхала прохладу сырого воздуха, лишь бы оттянуть неприятное начало дня, но... Оттолкнувшись от подоконника, я быстро натягиваю домашнюю тунику до середины бедра, сматываю волосы в тугую дульку и начинаю обход комнат. Надо собрать вещи, которые я заберу с собой. Пригоревшие кастрюли оставляю, как и колченогий табурет. Авань, Калёб попробует сесть. Короткий полёт и позорное приземление под стол гарантированы. Нехитрыми фантазиями подняв себе настроение, я ещё раз окидываю взглядом кухню. Наверное, папа прав. Здесь всего лишь доски. Да и дом та ещё халтура, в любом случае пришлось бы радикально перестраивать, а это уже был бы другой дом.

С лёгким сердцем я закидываю одежду в мешок. Памятную мелочь собираю отдельно в деревянный ящичек. Мебель? Мебель деть некуда, папин приятель обещал выделить угол, а не склад. Да и зачем мне она? Ящичек пристраиваю в мешок поверх одежды, делаю по дому ещё пару кругов. Чашку, пожалуй, возьму.

Альбом с фотографиями – моё главное сокровище. Придётся таскать при себе, потом заберу в общежитие академии. А вот как быть с оружием, не понятно. Не брошу – это очевидно. Старику Дранго не доверю – приберёт и не отдаст, не в плане присвоит, нет, он будет честно хранить, но для моего мужа или сына. Девочке, видишь ли, колюще-режущее не по руке. Тьфу!

Когда в дверь раздаётся дробный нетерпеливый стук, я успеваю не только позавтракать всухомятку, запив толстый бутерброд чаем, но и переодеться, и нормально причесаться, заплести вместо дульки две косы.

Открывать я, естественно, не спешу, выглядываю.

Внизу Калёб и мужчина в сюртуке чиновника. Ожидаемо...

При чиновнике Калёб навредить мне не должен, так что спускаюсь я и открываю относительно спокойно. Мой дом моя крепость, чем успокоить агрессора у меня заранее заготовлено.

– Доброе утро, – здороваюсь я.

Мазунв по надутому Калёбу взглядом, отмечаю, что сегодня он прихорошился – застегнул рубашку на все пуговицы, да ещё и ровно, и щетину сбрил. Я полностью сосредотачиваюсь на чиновнике.

– Мадемуазель Мирта Андрас?

– К вашим услугам, уважаемый.

Чиновник показывает мне зачарованный значок, удостоверяющий его полномочия.

– Хотите войти?

Я не обязана его приглашать. И не стала бы. Но я предпочту общаться с ним одним, не с Калемом.

Чиновник поджигает губы, но кивает. Ему бумаги мне показывать. Какой бы убогой ни казалась ему моя нора, за столом удобнее, чем в проулке. Я пропускаю его вперёд. Калем делает широкий шаг следом.

– А тебя я не приглашала, – ухмыляюсь я ему в лицо.

Калем вспыхивает, лицо краснеет, Калем становится похож на ошпаренного кипятком рака. Ему хватает ума и выдержки отступить, я захлопываю дверь запираю.

– На первом этаже контора моего отца. Там будет удобнее всего, но контора опечатана. Полагаю, вы в курсе.

Чиновник невыразительно хмыкает, проходит вперёд, прикладывает свой значок к печати и первым входит.

Мы располагаемся за моим столом. Видеть чужака за папиным было бы слишком больно.

– Итак, мадемуазель. Судебным решением ваш отец признан мёртвым, контора закрыта. О том, что долговые обязательства были выкуплены, вас вчера известили.

– Да, всё так.

– Калем Фичер в праве усомниться в вашей платёжеспособности. Он требует вернуть остаток суммы немедленно. Вы можете попытаться оспорить законность его требований через суд самостоятельно или обратиться к адвокату...

– Благодарю за разъяснения. Нет, оспаривать я ничего не буду, – почти наверняка проиграю, и придётся платить ещё и за судебный процесс.

– Вы готовы вернуть остаток долга, мадемуазель?

Я вздыхаю:

– Нет.

– Вы осознаёте последствия? В этом случае ваш дом переходит в собственность Калеба Фичера.

– Осознаю. Переходит. Где поставить подпись?

– Вы могли бы попробовать договориться...

– Исключено, – перебиваю я. – Я готова подписать документы прямо сейчас.

Чиновник пожимает плечами, открывает папку, разворачивает ко мне.

– Здесь.

Я в ответ хмыкаю, забираю документы и погружаюсь в чтение. Юридического образования у меня нет, но от папы я нахваталась, в каких-то моментах я профессионалам не уступаю. Отличить типовой документ по государственному образцу от соглашения, составленного адвокатом, я точно сумею. Чиновник принёс именно типовой документ. Но на всякий случай я перечитываю дважды.

– Всё верно.

Я ставлю подпись.

Чиновник забирает документы.

– Мадемуазель, вы можете собрать вещи, Калем Фичер может потребовать передать ему ключи в любое время после полуночи.

Посреди ночи что ли? С Калеба станется.

Только я не для того спозаранку вскочила. Чужала.

– Вы можете засвидетельствовать передачу ключей прямо сейчас? – улыбаюсь я. – Мне потребуются две минуты забрать багаж. Пока вы будете восстанавливать печать, я успею.

– Д-да.

Улыбнувшись, я кладу на столешницу ключи.

– Акт приёма, пожалуйста.

На оформление новой порции документов у чиновника уходит минут десять. Я отдаю ключи, забираю неопровержимое, подтверждённое печатью доказательство, что я их передала, поднимаюсь из-за стола, окидываю помещение прощальным взглядом и торопливо выхожу.

С собой у мешок, набитый одеждой и старый чемодан, старше меня на не знаю сколько лет. В чемодан я тоже припрятала одежду, но другую – в неё завернуты кожаная перевязь с набором метательных ножей, кинжал в ножнах и некоторые артефакты.

Кaleb так и стоит в проулке, злой как демон. Ему тут около часа грязь месить пришлось, глины чуть ли не по колено. После ночной бури сохнуть жижа будет долго.

– Поздравляю, – киваю я Калебу.

Он понимает мои слова как-то неправильно, расплывается в оскале:

– Мирта, теперь, когда тебе негде жить...

– Поздравляю с приобретением сарая, – перебиваю я. – Ты заплатил за него, как будто он из золота, а он из гнилых досок.

Помахав, прохожу мимо.

Чиновник что-то объясняет Калебу, я не вслушиваюсь, шагаю, грязюка под подошвой хлюпает и чавкает. Несмотря ни на что, я чувствую, как с каждым шагом поднимается настроение. Кто кого облапошил? Если бы Кaleb понял, что я пожертвую домом и уйду, уверена, он бы отозвал требование возратить долг немедленно и радовался бы платежам. Да сейчас! Я не оставила шанса пойти на попятный.

– Мирта?! – орёт он мне в спину.

Я выхожу на открытую улицу, закидываю мешок на плечо, перехватываю чемодан поудобнее. Прощай, прошлое. Да здравствует новая прекрасная жизнь. Меня ждут академия, расследование, убийцы. К чему-то, совсем не к месту, в памяти всплывает крайне недовольное лицо, нет, не Калеба. Дознавателя.

Глава 6

Изначально я собиралась бросить вещи у старика Дранго, но утром идея не кажется такой уж привлекательной. Дело не в том, что он снова станет сватать мне своего племянника, хотя и в этом тоже. Старик Дранго по-своему обо мне заботится, и именно он просидел со мной трое суток, когда я была совершенно не в себе, после получения сообщения о гибели лайнера, на котором плыл папа. Я не хочу обижать человека, ставшего для меня почти что дедушкой, ворчливым, несносным, но дедушкой.

– Мадам Олвис, простите, что я так рано.

– Ох, ничего, Мирта! Проходи, не стесняйся. Оу, ты...

– Мадам, пока я улаживаю формальности, пожалуйста, можно эти вещи побудут здесь?

– Конечно, Мирта. Не стесняйся, пожалуйста.

– Тогда я у вас же переоденусь, мадам Олвис.

Сапоги, которыми я шлёпала по грязи перед тем, как забраться в экипаж – я решила не бить ноги, а доехать – я поменяла на чистые ботинки, а сейчас полностью изменяю внешний вид. Потрёпанные каждодневные вещи я снимаю, надеваю белую блузку с лёгким кремовым оттенком, подчёркивающим въевшийся в кожу загар. Штаны заменяет тёмно-оливковая юбка-брюки. И завершает ансамбль длиннополый жакет с рукавом три четверти, тоже оливковый.

Украшения папа мне дарил. Я надеваю ожерелье, серьги.

Косы не расплетаю, просто закалываю их на затылке.

Последний штрих – переобуваюсь в туфли-лодочки.

– Мирта? – мадам Ох смотрит на меня, широко распахнув глаза. – Это ты? Ты такая красивая! Почему...?

Она хихикнув, замолкает. Я уже успела запомнить, что за хихиканьем мадам Ох прячет смущение. Как по мне, дурная привычка, она в такие моменты выглядит глуповатой, если не сказать грубее. Но мадам Ох без меня разберётся, как ей жить. Вопрос, заставивший её смутиться, повисает в воздухе, и я не отвечаю. Что ей сказать. Почему я не при параде каждый день? Потому что долго нежные вещи не живут, порыв ветра, пыль и прощай, блузка. Кто-то выбросит и купит новую. Я – нет. Да и куда мне выходить при параде? На рынок? В порт к продавцам свежей рыбы? Очень смешно.

– Вернусь приблизительно к полудню, – отчитываюсь я.

После дождя пыли быть не должно, но я всё равно перекидываю через локоть легчайший плащ, подхватываю папку с документами и выхожу.

Образу мадемуазель из состоятельной семьи не хватает только широкополой шляпы, но настолько соответствовать я не собираюсь, обойдусь без наשלёпки на голове.

Я выхожу в коридор, на миг замираю.

Дознатель, демоны его побери, не выходит из ума. Просто так, такие как он не появляются. Интуиция буквально кричит, что надо ждать беды. Знать бы откуда. Похоже, пока не пойму, так и буду об него мысленно спотыкаться. Иногда «громкоговорящая» интуиция только во вред.

– До академии, пожалуйста, – прошу я извозчика.

До неё пешком точно не дойти. Академия, как и колледж, расположены не в столице, а за ней. Когда колонизация Дикого континента только начиналась, первый город, позднее и ставший столицей, застраивали кое-как, без плана, суетливо и «временно». Как папа, сколотил сарай сараем, а по всем документам то, что должно бы быть признано шалашом, проходит как двухэтажный дом. Академию не строили. Под неё переделали руины строения неведомой цивилизации, исчезнувшей задолго до начала колонизации.

– До академии, пожалуйста, – доносится до меня смутно знакомый голос.

Высунувшись наружу, я успеваю заметить, как дознаватель забирается в следующий экипаж.

Его приезд как-то связан с академией? Это может стать... хлопотным.

Второй экипаж так и тащится следом – может и обогнал бы, но не сегодня. Центр столицы на холме, и улицы вымощены брусчаткой, а вот дальше глинистое месиво, и лошади едва справляются. Тащимся с черепашьей скоростью.

За городом становится чуть легче. Резкий перепад высот, вырубленная в скале древняя дорога вьётся серпантином, плиты сохранились, даже не растрескались. Академия стоит на скалистой возвышенности. Проезжаешь какую-то сотню шагов, и будто в другой мир попадаешь. Всюду сочная зелень, яркие цветы, среди которых почти нет мелких. В воздухе аромат свежести и сада. Понукаемая извозчиком, лошадь идёт чуть быстрее.

Подъём заканчивается резко.

Ещё пять минут лёгкой качки, и, наконец, остановка.

– Прибыли, мадемуазель.

– Я постараюсь недолго, – обещаю я.

– Да хоть да утра. Мне же лучше.

Ну да, за ожидание я плачу.

Предыдущий наместник обещал проложить общественную канатную дорогу, но как он отошёл от дел, так про дорогу и забыли.

Каменная стена высотой в полтора метра не производит впечатления надёжного ограждения, но магия меняет дело.

Я подхожу к воротам.

– Куда? – недружелюбно буркает охранник из пристроенной к воротам будки.

Действительно, куда?

– В администрацию, – я протягиваю паспорт. – Учиться буду.

– Вступительные экзамены давно закончились, – не без злорадства сообщает охранник.

Мимо проходит дознаватель. Ему хватает свой значок показать, и охранник из будки едва ли не выпрыгивает. Вскикивает, стул с грохотом отлетает назад, охранник вытягивается по струнке. Я провожаю дознавателя взглядом. Он, словно почувствовав, на миг оборачивается, уголок его губ дёргается. И он уходит.

– Да, закончились, – продолжаю я разговор как ни в чём не бывало.

Икнув – что его так напугало? – охранник берёт у меня паспорт, переписывает имя и фамилию в журнал, возвращает:

– По центральной дорожке до конца.

– Спасибо.

На территории академии я и без подсказок ориентируюсь. Большая часть практических занятий по магии в колледже проводилась в помещениях академии, где учебные корпуса, а где администрация, я знаю.

Спина дознавателя маячит впереди. Он больше не оборачивается, шагает широко. Я иду гораздо медленнее. Нет, можно было бы попробовать его догнать. Но зачем? Обо мне он уже знает, подслушать, уверена, не позволит. Уж лучше держаться подальше и не привлекать внимания. Он и без того меня выделил и смотрит, со вчерашнего дня смотрит...

В приёмной меня встречает секретарша, мадам Виво, я её ещё с учёбы в колледже помню.

Как выясняется, она меня тоже:

– Мирта Андрас?

– Добрый день, мадам Виво. Я хочу воспользоваться своим правом на привилегированное зачисление.

Не зря я выгрызла своё диплом с отличием, не зря.

– А потянешь? – резонно спрашивает мадам Виро.

Правда, я не совсем понимаю, что она имеет в виду – потянули я оплату или саму учёбу? С учёбой... всё сложно. В колледже на экзаменах нужно было показать владение тем или иным заклинанием. Я справлялась. А вот по «Общей магической подготовке» был зачёт, который я сдала с большим трудом и не с первого раза. У меня с детства слабые энергетические каналы, пропускать через себя большие объёмы силы я не могу. В академию же первый вступительный экзамен как раз «Общая магическая подготовка», так отсекают всех слабосилков. И меня бы отсекали, если бы не диплом с отличием.

Фактически, мне грозит отчисление после первой же сессии.

Глава 7

– Потяну, – равнодушно отвечаю я, не вдаваясь в детали.

Мне всё равно нечем платить за второй год. Так какая разница, отчислят меня или я заберу документы по собственному желанию? Мой план – проскочить в лазейку, как с поступлением. Академия выпускает магов – это обязательная программа. Курсы, необходимые для получения второй профессии, можно выбирать по собственному желанию или не выбирать. Пройденные курсы вписываются в диплом, который мне не светит, но можно получить справку, и её достаточно для оформления лицензии. Это мой шанс. Но как совместить обязательную учёбу, набор курсов, который обычно растягивают на два-три года и расследование?

Ничего, как-нибудь извернусь.

– Заявление по образцу, – мадам Виро подаёт мне бумагу.

Подписание не затягивается.

Мадам Виро забирает диплом колледжа, паспорт, заявление, скрывается в коридоре. Я остаюсь ждать на стуле.

Через четверть часа она возвращается:

– Тебе повезло, Мирта.

– Да?

– Ректор сразу же подписал приказ о твоём зачислении.

А мог распорядиться отложить мои документы в общую кучу и разбираться позднее. Мне бы пришлось снова приезжать. И правда повезло.

– Спасибо.

– Вот, – она возвращает мне всё, кроме заявления. – А это копия приказа. Будешь из города ездить?

– Нет, мадам.

– Тогда зайди к коменданту. Общежитие открывают с завтрашнего дня. И держи памятку. Разберёшься? Если не разберёшься, приходи.

– Угу.

Вроде бы всё.

Я быстро пробегаю памятку глазами. До начала учёбы я должна выбрать курсы, записаться, утвердить расписание. В колледже действовала похожая система, ничего нового. Но уходить я не спешу.

– Хм? – удивляется мадам Виро, явно намекая, что пора бы мне убраться.

– Когда я заходила на территорию академии, меня обогнал королевский дознаватель, явно прибыл со старого материка, – понизив голос, делюсь сплетней.

Мадам Виро наверняка уже видела его. Дознаватель шёл в администрацию, а значит, мимо не прошёл.

Мадам воровато оглядывается и кивает.

Я ещё больше понижаю голос:

– Случилось что?

Маловероятно, что мадам ответит правду, но она меня удивляет:

– Никто не знает.

Вот если бы она сказала «Я не знаю», то я бы не поверила. Мадам грудью наваливается на столешницу. Я понятливо склоняюсь поближе:

– Неужели никто? Я знаю, что он остановился в «Белой жемчужине». Странно, что не в «Королевском люксе».

– Он не первый раз приходит. Сначала дела учащихся и преподавателей запросил, причём все за последний год, даже уволившихся и отчислившихся. Что искал, не понятно, но думаю, что не нашёл.

– Почему?

– Он будет внештатным преподавателем, курс самозащиты.

Хочу!

Демоны, да я все курсы хочу. Как не лопнуть от жадности? Но с курсом дознавателя при всей его привлекательности – естественно, курса, а не дознавателя. – следует быть аккуратнее.

– Он кого-то ищет? – предполагаю я. – Может, кто-то изготовил запрещённый артефакт, и тот попал в столицу?

Мадам Виро вздыхает. По ней видно, что она бы рада продолжить тему, но сказать нечего.

Я прощаюсь с мадам, выхожу на улицу.

И первым делом перечитываю приказ. Я действительно зачислена? Поверить не могу. Несбыточная мечта стала реальностью. И не важно, что вместо полного обучения будет всего лишь год.

– Мадемуазель, – выдёргивает меня из грёз о счастливом будущем мягкий баритон.

Я оборачиваюсь.

Передо мной стоит дознаватель. И снова с крайне недовольным выражением лица.

– Да?

– Я слышал, вы интересовались моей работой.

Между прочим, обсуждать новости – это нормально, тем более столь неординарные. Да я уверена, что очень скоро приезд дознавателя будет обсуждать весь город. Скорее стоит удивиться, что до сих пор не обсуждают.

– У вас удивительно тонкий слух, господин дознаватель.

– Представьтесь, – и значком насмешливо махнул, лишая даже призрачной возможности начать возражать.

Я не собиралась его злить, просто... Сама не знаю, что просто, зато знаю, что дознаватель мне категорически не нравится.

– Мирта Андрас.

– Вот как?

Моя фамилия для него не пустой звук? Хотя чему я удивляюсь? Знаменитый древний род, у меня целая галерея великих предков – полководцев, героев, выдающихся магов. Да и сегодня Андрасы не последние люди. На старом континенте. Папа у меня оказался бунтарём. Молодой, горячий, захотел доказать себе и миру, что стоит чего-нибудь и без фамилии. Семья его «глупости» не поддержала, и он разругался с роднёй в пух и прах, забрал меня и купил билет на ближайший океанический лайнер, идущий в колонию. Родственников со старого континента я никогда не видела. Меня с ними ничего, кроме фамилии и не связывает.

Похоже, сейчас величие предков принесёт мне некоторую пользу.

– Господин дознаватель, не скрою, мне очень любопытно, почему вы здесь. Вы ведь не природными красотами прибыли любоваться., вы что-то ищете. А у меня нет ни малейшего предположения, что именно. В столице тихо. Я опасуюсь, что это затишье перед бурей. Я верно мыслю?

– Если вас ведёт только любопытство, – «только» дознаватель с сарказмом выделяет голосом, – то действительно советую, не искать проблем.

Я киваю.

Мужчина поджигает губы, но больше ни о чём не спрашивает. Кажется, моё объяснение его устроило. Пока... Что будет, когда он поймёт, что я веду собственное расследование? А он поймёт, если он действительно будет крутиться в академии под предлогом преподавания самообороны.

– Всего доброго, – прощаюсь я.

Он так и стоит на тропинке, смотрит мне в спину, аж между лопатками чешется.

К счастью, до поворота каких-то тридцать шагов, я сворачиваю в сторону общежития, и высокие кусты скрывают меня от глаз дознавателя. Я почти ожидаю, что он пойдёт следом, передёргиваю плечами, будто это поможет стряхнуть его взгляд. На пороге общежития я оборачиваюсь. Дознавателя нет.

Ругнувшись себе под нос, я вхожу.

В общежитии я не ориентируюсь, лишь приблизительно представляю, что комендант должен обитать на первом этаже неподалёку от входа. Потыкавшись в закрытые двери, наконец, нахожу открытую.

– Кого там принесло? – раздаётся скрипучий голос.

– Здравствуйте.

Комендантом оказывается лысый бугай с уродливым бугристым шрамом во всё лицо. Будто медузу бросили, и она въелась под кожу, и теперь выпирает наружу. Зрелище... отвратительное. Шрам – явно след удара боевой магии. Скорее всего, комендант и сам магией.

– Что, понравился? – хмыкает комендант.

– Посимпатичней некоторых, – брякаю я.

– Это кто же отобрал у меня звание первого уродца?

Мы точно должны это обсуждать?

– Калёб Фичер.

– Не знаю такого.

Я протягиваю копию приказа о моём зачислении.

Комендант открывает ящик стола, вытаскивает довольно толстый журнал и мимоходом объясняет, что заселиться можно с завтрашнего дня, но ключ он готов выдать уже сегодня, что бельё академия не выдаёт, уборка – моя обязанность, но никто не будет возражать, если я договорюсь с кем-то из уборщиц, что формы как таковой нет, обязательно носить лишь форменный жилет, который будет ждать меня в шкафу. В нагрузку к ключу комендант выдаёт мне памятку.

– Использовать магию в общежитии запрещено, находиться в чужих комнатах после девяти вечера и до семи утра запрещено, таскать в комнату еду тоже запрещено, но если осторожно, то я могу и не заметить. Всё ясно? – скороговоркой выдаёт он.

– Да.

– Вопросы?

– Если в комнате окажется... ножик?

– Запрещено.

Я выкладываю на стол судебное решение о признании папы погибшим.

– Это его ножик. У меня нет жилья. Мне просто некуда деть на время учёбы.

– Ты можешь сдать мне под опись в камеру хранения, это не проблема.

– Спасибо!

– Ещё вопросы?

– Нет.

– Тогда брысь.

Странно, но от коменданта это звучит совершенно не обидно.

Я прощаюсь, выхожу.

Осталось оплатить учёбу до начала занятий, но это в городе через банк. Вроде бы всё.

Стоит поторопиться. Меня ждёт клиентка и сеанс магической связи.

Глава 8

Мадам Ох расположилась в кресле в комнате ожидания. На сеанс магической связи рекомендуется приходить заранее.

– Мирта? Я уже начала волноваться.

– Не стоило, – улыбаюсь я, хотя мадам права, я могла опоздать. – Мадам, говорить буду в основном я, если вы не против. Вы же, если я в чём-то ошибусь, меня поправите.

– Хорошо, Мирта.

Я падаю в соседнее кресло, вытягиваю ноги.

– Мадам, вы, случайно, ничего не знаете о вашем соседе по этажу? Черноглазый брюнет со старого континента.

– Ох, понравился? Согласна, Мирта, он хорош собой. Одна выправка чего стоит. Статный, подтянутый. Ты не тушуйся, закрути с ним, чтоб аж искры летели, чтоб до звёздочек в глазах, до умопомрачения. Но не увлекайся. Ты здешняя, а он вернётся на старый континент и тебя забудет. И предохраняйся обязательно. Он, повторюсь, уедет, а ты останешься. Парень, конечно, фактурный, но ребёнка одна ты не потянешь, тебе ведь самой толком жить негде...

Демоны, что она несёт? Она меня настолько шокирует, что я дар речи теряю и молча выслушиваю. Надо признать, здравый смысл в её словах есть, в том, что касается не увлекаться. Какой, к демонам, «закрути»? Какое умопомрачение?!

Тьфу!

И ведь слово не вставить, а грубо прерывать не хочется. Меня спасает дежурный:

– Мадам Олвис, мадемуазель Андрас, приглашаю вас в переговорную.

Я первой поднимаюсь.

– Говорить буду я, – на всякий случай напоминаю я.

– Мадам, мадемуазель, длительность сеанса десять минут, одиннадцатая минута стоит два фарта, каждая последующая на фарт дороже предыдущей. Предельная длительности сеанса составляет час.

Переговорная больше всего похожа на рукотворную пещеру, хотя на самом деле крошечное помещение выдалбливают в окаменелых яйцах вымершего несколько миллионов лет назад гигантского орла. Гигантского – это, по-моему, преуменьшение. На картинке в учебнике он изображён размером чуть ли не с одноэтажный дом.

Внутреннее пространство разделено пополам. Перегородка по высоте приблизительно мне по пояс, и её можно использовать вместо столешницы. Узкая, неудобная, как подоконник, но другой быть не может – она часть яйца.

Мебели нет, беседовать предстоит стоя.

– Вы готовы? – уточняет дежурный. – Мы начинаем.

Согласие его не интересует.

Мы с мадам остаёмся вдвоём.

– Вы первый раз? Не бойтесь.

На всякий случай я ловлю её за руку.

Дежурный закрывает вход – возвращает треугольный фрагмент скорлупы в проём.

Внутри становится непроницаемо темно. Прямо сейчас магия в переговорной комнате на старом континенте создаёт наших с мадам Ох астральных дублей, которые там будут повторять абсолютно всё, что мы делаем здесь. И одновременно магия создаёт дубль папиного коллеги за перегородкой.

Появляется голубоватый призрачный свет. В считанные секунды он становится достаточно ярким, чтобы нормально видеть.

– Соболезную, Мирта. Мадам Олвис, приветствую. К вашим услугам.

Время дорого, поэтому на вежливость я его не трачу, и это в порядке вещей. Сразу перехожу к делу:

– Младший сын мадам Олвис, Ринон Олвис, пропал без вести. Полиция начала расследование, но оно было прекращено после получения письма...

Что говорить, я продумала заранее, пока ехала в экипаже из академии. Оттачивала каждую фразу и сокращала, сокращала, сокращала. В идеале мы должны уложиться в десять минут.

– Значит, я должен выяснить, прибыл Ринон Олвис на континент или нет. Если прибыл, то найти его, при необходимости оказать помощь. Если нет, то найти доказательства и расследовать, кем и как было отправлено письмо.

– Всё верно.

Господин Рой называет цену и кладёт на перегородку договор:

– Типовой.

Причин сомневаться у меня нет, папа с господином Роем работал, сколько себя помню, но также папа учил меня читать, что я подписываю. Подписывать буду не я, но я посредник, а это для меня ещё большая ответственность. Да и папа каждый раз внимательно проверял договор. Я прочитываю и передаю мадам.

В отличии от меня, она подписывает не глядя.

– Я начну работу сразу после получения аванса.

– Мы прямо сейчас пойдём в банк.

– Господин Рой, – вмешиваюсь я. – Мы сейчас перешлём копии письма и конверта, а также копию постановления о закрытии дела и изложение основных фактов от меня. Полагаю, вам пригодится. Полный пакет материалов отправим обычной почтой.

– Мирта, хватка у тебя отцовская, подумай о получении лицензии частного следователя. Мадам, я проведу самую тщательную проверку и найду доказательства. До связи.

Астральный двойник размывается, свет гаснет.

Сеанс окончен.

Дежурный снаружи убирает фрагмент скорлупы, приглашает нас к выходу. Я провожаю мадам Ох обратно в зал ожидания, а сама прошу второй сеанс, но обычный, а вещественный. Переслать документы на старый материк невозможно, но можно через астральную проекцию сделать всё те же копии. Мадам остаётся только оплатить.

– Теперь в банк или на почту? На почту ближе, но чем быстрее господин Рой получит подтверждение перевода, тем быстрее примется за работу.

Мадам выбирает банк.

И оплачивает не только услуги частного сыщика на старом континенте, но и мою учёбу. Теперь я из кожи вывернусь, чтобы раскопать правду. После банка мы возвращаемся на почту, отправляем копии документов как обычную посылку – в конверт они просто не помещаются, упаковываем в короб.

На улице я останавливаюсь перед ожидающим нас экипажем, чешу кончик носа. Надо как-то аккуратно сплавить мадам Ох обратно в «Белую жемчужину». Время обеденное, и понятно, что мадам будет обедать в ресторане. А я? Позволить ей кормить меня мне гордость не позволяет. То есть надо где-то перекусить...

– Мирта, ты ведь останешься ночевать у меня?

– Мадам...

– Мирта, я понимаю... Нет, если честно, я скорее не понимаю. Мои родители были весьма обеспеченными, муж тоже был состоятельным, а теперь и вовсе разбогател. Я не умею беспокоиться о деньгах, не переживаю о тратах. Ты, я вижу, беспокоишься. Знаешь, Бер тоже был тем ещё гордецом. Но давай со мной между гордостью и здравым смыслом ты выберешь здравый смысл? Тебе ведь ещё письма читать.

Письма – это аргумент.

Я сдаюсь.

– Но прежде... Мирта, я видела твои вещи. Как ты собираешься отправиться в академию?!

– У меня есть вещи.

Две блузки, которые я носила в колледже, туфли и чёрные приталенные брюки. Не густо, но вполне достаточно. Да, я буду выглядеть... бедновато. Особенно в сравнении с сокурсниками. Но ничего предосудительного, деловой стиль.

– Нет, никуда не годится! Мирта, я приглашаю тебя пообедать, а потом мы пройдемся по магазинам. Тебе же нужны тетради.

– Мадам Олвис!

– Ох, Мирта, соглашайся. Иначе я куплю на свой вкус и перешлю прямиком в общежитие.

– Вы знаете толк в угрозах, – хмыкаю я.

– Мирта, я тебя одеваю не из доброты и щедрости. Это не подачка! Как ты собираешься выяснить, что случилось с Риноном? – на глаза мадам наворачиваются слёзы, но она их быстро смагивает. – Даже я, далёкая от расследований и всего с этим связанного, понимаю, что тебе придётся общаться с второкурсниками, расспрашивать их. Если ты не будешь выглядеть человеком их круга, они не станут отвечать на твои вопросы.

Да, это проблема, но я подозреваю, что тряпками её не решить.

– Я притворюсь знакомой его семьи.

– Идём, – решительно отмахивается мадам, подхватывает меня под руку.

Я могла бы вырваться, настоять на своём, но... я не могу не признать правоту мадам Ох. Если бы я шла просто учиться, моего более, чем скромного гардероба, было бы достаточно, при этом считают меня бедной дурнушкой или заслуживающей внимания особой, совершенно не важно, важна справка о наборе пройденных курсов. Но я иду не просто учиться. Я должна подобрать ключик к друзьям Ринона, а они, скорее всего, из богатых семей.

Демоны!

– Пошить одежду мы не успеваем, – сетует мадам Ох. – Придётся довольствоваться готовым.

Швейцар распахивает дверь в самый дорогой магазин столицы. Только здесь предлагают модные новинки со старого континента.

Глава 9

Я закатываю глаза.

То, как выглядит человек, это очень важно. По одежде «читается» гораздо больше, чем считают обыватели, причём бессознательно. Если видишь хмыря в грязнувшей рваной рубаше и штанах с подозрительными пятнами по внутренней стороне ноги, не ждёшь от него галантного обращения, зато легко представляешь его набравшимся и храпящем под стеной кабака. А если мужчина одет с иголочки, гладко выбрит, то он воспринимается успешным человеком, достойным внимания. Для женщин внешность работает точно также. Всклопоченная неряха, от природы красивая, уступит менее привлекательной сопернице, если та одета элегантно и со вкусом. Можно сколько угодно кричать про ценность внутреннего мира и бренность пустой мишуры, однако от правды жизни никуда не деться: одежда – это всегда своеобразное послание человека миру, рассказ о себе, визитная карточка.

Но зачем же тратить на самую дорогую?!

И на что тратить? Брюки с блузкой, которые я носила в колледже вполне годные...

– Начнём с платья! – объявляет мадам Ох. – В этом сезоне в моде зелень всех оттенков. Мирта, полагаю, зелёный тебе пойдёт, не придётся ничем оттенять.

– Зачем мне платье?!

Не спорю, можно надеть и платье, только идея не очень удачная: ношение форменного жилета обязательно, а проверить, как он будет сочетаться с выбранным нарядом мы не сможем.

Продавщица вместо обычных платьев с готовностью демонстрирует вечерние, а мадам Ох ни капли не возражает.

– Мирта.

– Да?

– Когда первокурсники знакомятся со старшекурсниками?

Я досадливо морщусь.

Мадам, демоны поberi, права, прежде всего мне нужны не перваки, а второкурсники. Но как же неприятно!

– На празднике.

– И в чём ты пойдёшь на праздник?

Я не любительница подобных мероприятий, но пойти придётся – работа.

– В платье, – сдаюсь я.

А мадам добивает:

– И ожерелье обязательно подберём!

Мне остаётся лишь терпеливо сносить примерку. Чувствую себя куклой в руках девочки, решившей поиграть в ателье. Мадам отдаётся процессу с энтузиазмом, увлекается, и у меня складывается стойкое впечатление, что она и вовсе забыла, чем именно мы занимаемся, и перебирает наряды, прикидывая, какой подойдёт мне больше.

Надеюсь, у меня есть право голоса?

Платье с пышной юбкой я забраковываю слёту – слишком много слоёв ткани. В таком платье надо грациозно вышагивать, быстро пойти уже не получится, по крайней мере у меня, с непривычки. Я почти всё время в штанах, мне любая юбка неудобна, а уж такая... Платье-«рыбку» я тоже забраковываю. Юбка сужается к коленям, а затем резко расходится в стороны. Силуэт в платье этого кроя отдалённо напоминает рыбу.

– Мадам, мадемуазель, взгляните, – щебечет продавщица, почуявшая выручку.

Довольно простой наряд, декольте прикрыто кружевом, а лиф щедро расшит бисером. В целом мне даже нравится. Померить я согласна, хотя сама мысль, что мадам будет оплачивать мою одежду до сих пор вызывает внутренний протест.

Взгляд цепляется за платье, задвинутое в самый угол.

– Покажите, пожалуйста.

– Да, конечно. Мадемуазель, должна предупредить, это платье у нас довольно давно, с начала сезона. Оно... не самое удачное.

– Я взгляну.

Продавщица послушно вынимает его и вешает на специальный крючок перед примерочной:

– Как вам? Расшитое...

– Я померю, – перебиваю я.

Мадам задумчиво склоняет голову к плечу. Я внутренне напрягаюсь. Оплачивает покупку она, а значит, решающее мнение её.

Продавщица отдёргивает для меня шторку примерочной и явно намеревается зайти следом. Я протягиваю руку к вешалке:

– Полагаю, я справлюсь. В любом случае мне нужно платье, с которым я сама справлюсь.

Продавщица понимающе кивает и выходит, а я чувствую, как к щекам приливает краска. Тьфу! Я уж и не помню, когда последний раз смущалась. Нет, дело не в том, что мне неловко раздеваться перед посторонней, отнюдь. Да и раздевать всего-то до белья, нательная сорочка прикрывает почти как рубашка. Сама от себя не ожидала, но мне неловко за лишние волоски на теле. За гигиеной я слежу, а вот за такими «дамскими» мелочами – нет.

Какое мне дело, что подумает продавщица?

Я быстро скидываю блузку, штаны.

Приглушённо-зелёное платье я выбрала, потому что оно раздельное. Когда оно надето, смотрится единым целым, но можно носить отдельно жёсткий корсет и отдельно длинную юбку. Платье при небольшом усилии превращается в два-три варианта неузнаваемых нарядов. Но меня привлекает не это. Обычное платье быстро не снять, а если и скинешь, останешься голым, а тут достаточно распустить завязки, и юбка легко соскользнёт вниз. Переступи и беги, если догадался под юбку натянуть штаны.

С корсетом выходит заминка. Спереди шнуровка декоративная, затягивать надо со спины. К счастью, ленты уже продеты в петли, а я достаточно худая, чтобы натянуть корсет, не выдёргивая их. Я завожу руку назад, прогибаюсь в спине, нащупываю свободно свисающие концы ленты. Намертво я не затяну. Но зачем мне намертво? Мне надо так, чтобы корсет на мне держался, и не свалился в самый пикантный момент.

Я поворачиваюсь перед зеркалом и выхожу из примерочной.

– Мирта, тебе нравится? – осторожно спрашивает мадам.

– Вполне. Что-то не так?

– Одежда должна украшать. Это платье тебя не портит, но я не могу сказать, что оно тебе идёт.

Приблизившись к зеркалу, медленно поворачиваюсь:

– Оно удобно.

– Давай ещё посмотрим?

А письма я буду разбирать ночью. Ладно...

Никакое больше платье мне не нравится, мадам не настаивает, распоряжается запаковать это и пополняет мой гардероб ещё двумя блузками и одной юбкой. Она хотела больше, но я честно предупредила, что хожу в штанах. Мадам украдкой вздыхает.

Я рассчитываю, что следующим будет магазин канцелярских принадлежностей, но мадам указывает на лавку косметических средств.

– Ох, Мирта, я знаю, что ты не красишься. Я не настаиваю на полноценном макияже, но припудрить носик обязательно. И подчеркнуть глаза подводкой тоже обязательно. Заметь, помаду, румяна, тени я тебе не предлагаю.

И снова она права. Отсутствие макияжа заметно. Парни вряд ли поймут, что я без краски на лице, мало кто вникает в «девчачьи приблуды», но по сравнению с другими девушками без косметики я буду смотреться блёкло.

Я молча показываю хозяйке лавки на банку с кремом для депиляции и расплачиваюсь сама. Мадам либо и правда не замечает, либо тактично притворяется слепой.

И вечером, вооружившись этой самой банкой, я скрываюсь в ванной. Ночевать я остаюсь в гостиничных апартаментах, благо доплачивать за меня мадам не нужно, право пригласить гостя уже входит в стоимость.

Ближе к полуночи, пристроив на край стола чашку крепкого чая и тетрадь – их мы купили в последнюю очередь – я достаю из коробки первое письмо.

Ночь мне предстоит бессонная...

Глава 10

Ринон писал домой каждую неделю, иногда чаще.

Почерк разборчивый, но не каллиграфичный, без украшательства вроде петелек и крючочков, округлые буквы будто под копирку отрисованы и нанизаны на невидимую строку, бумага чистая, неразлинованная, даже следа карандаша нет, но при этом слова ровные, вкривь и вкось не «скачут». Иногда заметно, что Ринон при письме нажимал сильнее, чем следовало бы. Злился? Или от излишнего усердия? Пока не понять. Зато можно точно сказать, что за эстетикой Ринон не гнался. Редкие помарки совсем не портят общий вид, скорее, лёгкая небрежность придаёт тексту немного живости.

Сперва я просто прочитываю письма, одно за другим, не вникаю в детали. Сейчас моя задача познакомиться с парнем, понять, чем и как он жил, чем увлекался, где и с кем проводил свободное от учёбы время. Охота на детали будет позже.

Только вот письма оказываются слишком правильными, и я не про оформление, и не про сладкий сироп, который Ринон щедро изливал на бумагу, рассказывая, что безмерно тоскует по драгоценной матушке. Хотя, может быть, и скучал, кто знает.

В письмах Ринон много и с удовольствием рассказывал про учёбу, про работу над курсовой, смаковал подготовку к зачёту. Один раз попалось письмо, в котором Ринон извиняется, что иногда засиживается допоздна и ложится после полуночи.

Чем дальше я читаю, тем отчётливее прорисовывается образ книжного червя и маменькиного сыночка по совместительству.

Люди разные, я вполне допускаю, что Ринон зубрил с утра до ночи, но не верю. Демоны, я готова поспорить на свой шанс получить диплом, что Ринон вполне сознательно вводил мать в заблуждение, руководствуясь принципом «меньше знает – крепче спит», потому что из рассказов мадам Олвис у меня о Риноне сложилось совсем иное впечатление – компанейский весельчак. Да, умный, хваткий, в учёбе успешен, но ни разу не заучка, живущий книгами и только книгами. Натуру по щелчку пальцев не переделать. Так с чего Ринону меняться? А ведь мадам хвасталась, что сын резко повзрослел, стал серьёзным. Подозреваю, что он... не лгал, просто о многом умалчивал. Тем более, если читать внимательно, смутные детали проскальзывают.

Упоминаются имена нескольких приятелей, чаще всего мелькает Конрад Айт, с которым Ринон на выходных выбирался в город.

К именам я ещё вернусь, а пока читаю дальше. О конфликтах ни слова.

Мда, честно говоря, я ожидала большего – намёков, зацепок. А пока кроме имён, ничего полезного. Чёрный чай давно кончился, за окном густая темнота, я читаю в свете настольной лампы. И меня уже клонит в сон. А мне ведь второй раз читать – с карандашом. Сейчас я пометок почти не делаю.

Писем много...

«Мама, она прекрасна, как богиня».

Что?!

Я всё-таки заснула? Я встряхиваюсь, перечитываю последнюю строку. Нет, не сон. Но строка настолько выбивается из общего тона писем, что кажется чужеродной. Интуиция ударяет по нервам.

Выводы делать рано, а вот разбираться надо.

До сих пор девочек Ринон не упоминал, лишь мельком и в связи с учёбой. А по оговоркам «На выходных съездили в город, я докупил тетрадей. Вернулись поздно», можно судить, что парни весело проводили время, и отнюдь не в магазине канцелярских принадлежностей.

Влюбился? Хм...

Девушку Ринон описывал живым воплощением всех возможных достоинств. И невозможных тоже. Как они сошлись в одном человеке чудо чудное. Дженна милая, добрая, умная, решительная, отзывчивая, добродетельная, справедливая, милосердная, красивая. Ринон перечислял, не заботясь о хоть каком-то пояснении. Ни единого примера, как девушка показала себя в реальной жизни. Зато восхваление затягивалось на абзацы. Я быстро поняла, что прекраснее неведомой Дженны в мире девушек нет.

Я возвращаюсь к началу письма. Допустим, парень и правда влюбился, кровь бурлит, голова, наоборот, не варит совершенно. Достоинства, которым святая позавидует, Ринон мог банально придумать. Ему кажется, что девушка идеальна. Влюблённость делает людей слепыми, это нормально. Хотя... не хотела бы я так влюбиться. Надеюсь, даже в самом удушающем розовом мареве свихнувшихся чувств я сохранию здравомыслие.

Ринон посвятил Дженне с десяток писем. Судя по ним, он напрочь забыл про учёбу. Спасало только то, что любовь нагрязнула незадолго до экзаменов, накануне каникул. А ещё то, что девушка напоминала ему готовиться к сессии. Ринон писал, что твёрдо намерен жениться, просил отнестись к Дженне, как к родной, обещал привезти её домой. Не привёз.

А ведь получается, что влюбился он незадолго до гибели. Это связано? Дженна, определённо, следует найти. А сперва расспросить о ней.

Кое-что в последних письмах мне не нравится.

Разум Ринону отшибло начисто. В жизни всякое бывает, но... Дженна почти наверняка маг, а не уборщица без дара. Могла она применить что-нибудь незаконное? С одной стороны, в академии проворачивать подобное рискованно. С другой стороны, могла и запросто.

Кстати, почему так внезапно? Почему Ринон не обращал на Дженну внимания почти весь год, а перед каникулами «поплыл»?

Сплошные загадки.

Фамилия девочки ни разу не упомянута. Да и имя... Дженна может быть как полным именем, так и сокращением, а может быть и вовсе вымышленным. И не факт, что девушка всё ещё в академии.

Я вздыхаю, продолжаю внимательно читать.

Чаю бы.

Я кошусь на дверь. Чайника в апартаментах нет, его принесут по первому требованию в любое время дня и ночи. Но если сделаю заказ, помешаю мадам Ох. Вдруг она спит чутко? Придётся обходиться водой и протирать лицо влажным платком.

Об учёбе Ринон всё же вспомнил. «Дженна не устаёт напоминать, чтобы я готовился к экзаменам. Она верит в меня и ждёт, что я покажу лучший результат среди однокурсников. Я обязательно оправдаю её доверие».

Из предпоследнего письма я узнаю, что Ринон сдал сессию на «отлично», Дженна осталась им очень довольна, и её благосклонность радовала его гораздо больше, чем личный успех.

Особое внимание я уделяю последнему письму. Ринон написал его незадолго до смерти. В тот день он уже планировал поездку домой. Я не знаю, есть ли связь между убийством и началом каникул. Интуиция говорит, что есть. Только вот я до конца не уверена, что это говорит интуиция, а не банальная зависть, к Дженне я заранее отношусь с предубеждением. А это неправильно, непрофессионально. Впрочем, эмоциям я волю не дам, так что всё в порядке.

Я возлагаю надежды на письмо, но, увы, оно ничем не отличается от предыдущих. Лишь в последнем абзаце я нахожу относительно полезное.

Ринон делится ближайшими планами, пишет, что во вторник сдаст комнату, на два дня останется в столице, потому что у Дженны есть дела, а потом они вместе... Последнее письмо – косвенное доказательство, что Дженна была не только в курсе планов, но и дала согласие на поездку.

Мда, не нравится мне, что все зацепки так или иначе указывают на Дженну. Слишком подозрительно, нарочито. Или такое впечатление складывается из-за приторности писем? Дженна – единственная, о ком Ринон писал много.

Последний заход – я перечитываю письма и заношу в тетрадку отдельно имена, которых попадаете едва ли штук пять. Ринон предпочитал отделяться безымянным «я с сокурниками». Отдельно выписываю немногочисленные факты, которые удаётся наскрести.

Письмо со старого континента я оставляю на завтрак.

Да, я могу не спать ночь и держаться бодрячком, но зачем себя изматывать?

Я устраиваюсь на диване, ложусь на бок. Лучше не думать, куда подкладывали диванную подушку, на неё я набрасываю свою куртку, а укрываюсь рукавом куртки чисто символически. И проваливаюсь в чёрный омут кошмара. Меня затягивает водоворот воды. То ли озеро, то ли болото – не понять. Берега стиснуты сочной непролазной зеленью, я бреду по колено в грязной мути. С трудом выдернув из ила ногу, поднимаю голову и вижу впереди красавец-лайнер. Корабль уверенно стоит на водной глади, но сбоку раздаётся хлюп, и корабль на глазах проваливается в бездну.

– Папа! – кричу я, рвусь вперёд.

Корабль проваливается ещё быстрее, но забирает с собой не всех. Папе удаётся не провалиться вслед за ним, а распластаться по поверхности.

– Помогите мне, – кричит невеста откуда взявшийся Ринон. Парень отчаянно взбивает зелёную рясу, то уходит под воду с головой, то выныривает, зовёт.

Почему он был на этом же корабле? Я понимаю, что что-то неправильно, но то, что это всего лишь сон, не осознаю.

А папа, хоть и не кричит, тоже тонет, долго ему не продержаться.

– Мирта, к берегу! К берегу! Спасай себя.

– Мирта Андрас, вы оставите их погибать? – возникает за моей спиной дознаватель.

– Помогите! – захлёбывается Ринон.

Папа молча скрывается под водой и ни через секунду, ни через три не выныривает.

С криком отчаяния я бросаюсь вперёд.

Сон разлетается осколками.

Я рывком сажусь на диване, протираю выступивший на лбу пот.

– Проклятье.

– Ох, Мирта, ты что-то сказала? – из спальни выглядывает мадам. – Я распоряжусь насчёт завтрака. Есть какие-то пожелания, Мирта?

Я отворачиваюсь, чтобы она не увидела моих слёз. Меня всё ещё потряхивает. Сон был слишком реалистичным. Впрочем, к дурным снам мне не привыкать. Я растираю лицо ладонями и, ничего не ответив, сбегает в ванную. Нет у меня пожеланий.

Настроение с утра испорчено, зато энергия бьёт ключом. Пока официант сервирует стол, я успеваю собраться. Завтрак я проглатываю, и приходится ждать мадам Ох. Впрочем, я не просто жду. Я перелистываю записи в тетради, прикидываю список вопросов, которые задам за чашечкой кофе. Это мой последний шанс что-то спросить. Мадам вернётся домой, я буду в академии, и поддерживать связь станет проблемой, тем более далеко не всё можно доверить бумаге.

– Мадам, – говорю я на прощание, – я уверена, Ринон не хотел бы, чтобы вы тревожились. Где бы ни находилось его тело, его душа на небесах.

– Береги себя, Мирта.

Я вздрагиваю.

Фраза почти дословно из моего кошмара, только папа сказал: «Спасай себя».

Багаж уже загружен в экипаж...

Несвойственный мне порыв, я сама себе удивляюсь, почему, зачем, но я делаю шаг вперёд и крепко обнимаю мадам, вдыхаю цитрусовый аромат духов. Я растерянно замираю. Мадам мне симпатична, но она посторонняя. Она проводит ладонью по моей спине между лопатками, и я напрягаюсь, отстраняюсь, сбегая в экипаж...

День проходит в беготне. Я отношу вещи в комнату, затем спускаюсь к коменданту и сдаю в камеру хранения холодное оружие, боевые артефакты, папин арбалет. И просто положить свёрток в ячейку нельзя, ценности сдаются под опись.

Сперва комендант смотрит спокойно, почти благодушно, но после четвёртого ножа он уже не выглядит уверенным, что готов принять на хранение целый арсенал. Я продолжаю выкладывать свои сокровища, а у коменданта всё больше подёргивается веко.

Бумагу с подписью я получаю, как ни странно, без проблем. У меня складывается впечатление, что комендант не решается возражать.

После заселения я иду в деканат.

Сделать сразу два дела хорошо и качественно та ещё задачка, но я обязана справиться, совместить напряжённую учёбу и расследование.

– Это ваше базовое расписание, студентка, – секретарша с тёмными кругами под глазами вручает мне бумагу. – По желанию вы можете взять дополнительные курсы. Чем дольше вы выбираете, тем больше вероятность, что мест не останется. И вот квиток, вы должны подписать его в клубе.

– Каком клубе? – не сразу доходит до меня.

– Студенческие клубы по интересам в начале учебного года проводят дни открытых дверей, вы обязаны выбрать любой на ваше усмотрение. Или основать собственный клуб, для этого вам потребуется найти не менее семи единомышленников.

– Ага...

Демоны, про клубы я совсем забыла.

Впрочем, клубы терпят, а курсы – нет. Выбор нужно сделать сегодня.

Глава 11

Чтобы получить лицензию частного сыщика, нужно шестнадцать профильных курсов. Это минимум. Не все они годовые, например, «История охраны правопорядка» длится всего месяц. Только в рамках курса прослушать восемь лекций не достаточно, нужно сдать реферат и зачёт. Зачёт я осилю, а вот реферат съест время, которого у меня жесточайший дефицит.

Выбрать другую профессию?

А какую?

Работу следователя я представляю, варилась во всём этом с детства. Знакомства есть, пусть и не самые надёжные. А кем мне ещё идти? Всё упирается в деньги. Следующий год мне никто не оплатит, а значит про нормальное получение профессии можно забыть сразу. Что я потяну, если во главу угла ставить длину списка требуемых для оформления лицензии курсов? Я прикидываю так и эдак. Относительно легко получить лицензию на открытие того же кабака, но это несерьёзно. Во-первых, кабак нужно на что-то построить, это немалые вложения. Во-вторых, с нетрезвым Калёбом я не совладаю. Нет, надо что-то реальное... Похоронный агент, ага. Профессия мне по зубам, только душа не лежит.

Я добросовестно долиствываю брошюрку и с минуту обдумываю перспективу влезть в долги, чтобы начать собственное дело.

Нет, никаких долгов, хватит, нахлебалась зависимости от кредитора. Да и не даст мне никто на нормальных условиях.

Значит, действую, как и собиралась изначально. Я заполняю заявку, отношу в деканат.

– Что это? – спрашивает секретарша, подцепив бумагу двумя пальцами. – Студентка, жажда знаний похвальна, но вы от жадности не лопнете? Вы всерьёз собираетесь за год пройти то, что другие проходят за пять лет?

– Да, мадам. У меня... обстоятельства.

– Ты превысила допустимое количество часов в неделю раза в два. Мне не трудно отнести декану. Но, я тебя уверяю, он не подпишет.

– Я могу с ним поговорить?

– Вот упрямая. Хорошо, я спрошу, когда декан тебя примет, – покачав головой, она оставляет меня скучать в приёмной и скрывается за дверью кабинета декана. Заявку она так и держит двумя пальцами, да ещё и на вытянутой руке.

Не проходит и минуты, раздаётся мужской голос, меня приглашают войти.

– Студентка Андрас, это что?

– Я хочу взять максимальную нагрузку в начале.

Декан размашисто выводит «отказано» и возвращает заявку:

– Студентка, я шутку не оценил.

– Это не шутка. Послушайте, я имею право...

– Студентка, твои права ограничены уставом академии. Одобрить больше разрешённого лимита я при всём желании не имею права, а трепать себе нервы из-за твоих обстоятельств я точно не собираюсь. Меня, знаешь ли, постоянно проверяют.

– Неужели нет никаких вариантов? Не верю.

– Андрас, вот что мне с тобой делать, а? Не смотри на меня так жалобно, не разжалобишь. Так и быть, совет дам. Начни с коротких курсов, покажи себя и подпиши на кафедре разрешение на досрочную сдачу. Как только разделаешься с первой порцией курсов, сможешь взять следующую. Опоздаешь, конечно, придётся догонять. Но это, пожалуй, единственный вариант.

Я ненадолго задумываюсь.

Декан предложил хороший вариант. Не воспользоваться глупо.

– Спасибо.

– Андрас, ты помнишь, что тебе не только курсы выбирать, но и клуб? Отлынивать тебе никто не позволит. Я лично прослежу. И, Андрас, на второй год задерживаться ты не собираешься. Я правильно понял?

Отрицать бессмысленно:

– Второй год я финансово не потяну.

– Хорошую лазейку нашла, молодец. Юрист из тебя получится прекрасный. Но имей в виду, что плохая успеваемость по обязательным предметам обернётся запретом на набор новых курсов.

Декан абсолютно серьёзен, я понимаю, что не уступит. Кивнув, выхожу из кабинета и возвращаюсь за стол думать.

«Общая магическая практика», чтоб её. Основной предмет на первом курсе, и по нему не просто экзамен в конце учебного года, а регулярные зачёты, которые я неизбежно провалю один за другим. Мои энергетические каналы просто не выдержат нагрузки. Очень важно, чтобы первые месяцы жизни младенец провёл с матерью, особенно, если она маг. Через ауру идёт энергетическая подпитка, которой я была лишена. Молоко мне давала кормилица, причём папа рассказывал, что кормилицу пришлось сменить, а это ещё один удар. Ничего удивительного, что я была слабой и болезненной девочкой. Физически я выправилась к семи годам и стала тем ещё сорванцом, а вот энергетические каналы так и остались плохо развитыми. Большинство людей прекрасно живут без магии, так что я не страдала, тем более одно-два заклинания в день я вполне могу осилить. На «Общей магической практике» понадобятся двадцать два. Утрирую, конечно, не на на много.

Я вздыхаю и принимаюсь заново терзать брошюрку.

А если пойти от противного и при всей безумности затеи сделать ставку на магию? Я привыкла считать, что, раз я не выдерживаю большие потоки энергии, то и магия не для меня. Но есть же сфера, почти не требующая большого резерва. Да, он желателен, но не обязателен.

Артефакторика.

Курсов, требующихся для получения лицензии на работу артефактором, гораздо меньше, потому что профессия завязана на магию, и обязательные для всех студентов курсы не учитываются, они ведь и так подразумеваются.

Где взять материалы? Частный сыщик хорош тем, что кроме мозгов, глаз и ног ему для работы ничего больше не нужно, чего не скажешь об изготовителе амулетов. В принципе... природные материалы тоже годятся, они не так хороши, как профессиональные, но начать можно с них, постепенно накопить денег, закупиться. НА старте проблемой станут только накопители, но в академии они идут как расходный материал, так что почему бы и...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.